

**Оксана
ВАСИЛЬЕВА**

ДЕСЯТОЕ МАЯ, ИЛИ ПЕСНЬ КУЛИКА О СЧАСТЬЕ

К большому городу с многовековой историей просто испытывать сильные чувства. Можно любить или ненавидеть Москву и Питер, можно мечтать поселиться в них или, демонстративно закатывая глаза, произносить: «Да чтобы я жила там?! Никогда! Только Париж!»

Что же касается Новотроицка, маленького, провинциального, далёкого от центров и морей, весьма молодого и потому ещё очень скромного в своих проявлениях города, можно прожить жизнь, не догадываясь о его существовании.

Откуда же возникает эта болезненная привязанность и нежность к месту, прочно утвердившемуся в сознании как «мой город»?

Десятого мая мы с сыном Федькой, одуревшие от целого дня ничегонеделания, выходим на улицу в девять вечера. Нет никакой определённой цели, мы просто проветриваемся.

Уже стемнело, и небо ярко-синее, как детская иллюстрация к гоголевской ночи, чуть светлее на западе и темнее на востоке. Горят фонари. В их свете молодые листья на тополях кажутся покрытыми лаком. Людей на улице почти нет. Город старательно отгулял праздники и теперь, словно прилежная ученица, с вечера собирает свою жизнь в будничный портфель. Неторопливо проезжают редкие машины. Стучит по рельсам пустой трамвай.

Федька вырывает руку и бежит вперёд, дикими прыжками изображая всех Черепашек-ниндзя сразу. Его невидимые враги, не выдержав натиска, валятся по обе стороны тротуара, и Федька скачет дальше. Он счастлив.

Я смотрю на него и, как обычно, раздумываю о многом одновременно. О том, что за зиму Федькины джинсы стали коротки и нужно покупать новые. И о том, что ему сейчас это совершенно не важно. И о том, что он счастлив просто так, без объяснения причин. И о том, что я всё реже бываю счастлива просто так. И чтобы почувствовать себя счастливой, должна для начала напомнить себе об этом и объяснить, почему я имею право так себя чувствовать, и почему... Да к чёрту объяснения!

Я иду с ребёнком по городу, который ощущаю и знаю своим до каждой малой трещины в асфальте. Я здороваюсь с листьями и похлопываю по

бокам дома. Я смотрю, как развеваются на балконах полосатые банные полотенца, словно флаги, вывешенные на центральной улице города. А знакомая дворняга тычет холодный шершавый нос в опущенную мною ладонь. И ещё я знаю, что скоро нам надоест гулять, и мы с Федькой вернёмся к дому. И над нашим ясенем будут светить три окна, за которыми нас любят и ждут.

И если это не счастье, тогда я ничего не знаю о счастье!

Можно рваться в Москву и Питер, в очами мечтать о Париже. Но нельзя не любить место, где ты счастлив, даже если это провинциальный Новотроицк, маленький город в степи.

**Катерина
ЕРМОЛАЕВА**

МАТЬ И МАЧЕХА

Отрывок из рассказа

Над Уралом поднимался густой пар, казалось, ещё немного, и вскипит мутная, осевшая с весны река. По берегам взлохматилась сочная зелень, на мокрой склизкой земле виднелся глубокий отпечаток ступни. Это она,

Софья, сбежала вчера с крутого яра босиком, остановилась у воды, замерла словно. А потом, тяжело дыша, раскрыв широко бешеные глаза, в каких томились ледяной ужас и боль, бросилась в реку, заплыла в самую кипень, а в голове её гремело: «Утопиться. Уйти! Насовсем!»

Ногу разом свело судорогой, Софью потянуло ко дну, но, хлебнув воды, осознав, что в омуте речном ей никто не поможет, она испугалась. Выныривала, бултыхала руками и здоровой, сильной ногой, как могла. Заорала что есть мочи:

– Тону-у! Спасите!

Из двора, крайнего от Урала, выбежала перепуганная Анна. В платье, как была, кинулась спасать Софью. Волокла её из воды, хватая за длинные космы. Свежи в памяти были недавние, в горячности сказанные слова Софьи, и Анна, сразу смекнув о затее молодой соседки, заругалась:

– Дура, Сонька, дура! Последние мозги выветрились, поди, у тебя! И почто ж тебя твой Роман держит, не знаю. Давно бы бросил дурёху!

Софья сидела на траве, подобрала длинные ноги под себя, и мелко сотрясалась всем телом. Намокшая бретель цветастого сарафана спала с хрупкого плеча, и на нём показалась незагорелая полоска кожи.

– Легко ть-тебе, Анна Дмитриевна, гов-ворить. У тебя детей целый выводок. А мне бы хоть одного родить, и то не мог-гу-у.

— Да не топиться же тебе из-за этого! Тьфу, бестолковая ты баба!..

Теперь же Софья стояла на берегу и вдыхала сырой, пресный у реки воздух. Сильной точёной ногой ступила в воду, что обволокла теплотой и мокротой своей, заколыхалась-забилась у циклотки. В горле щекотнуло и сдавило ещё страшнее, чем накануне, рука поползла к лицу, растёрла горячую, с утра просившуюся слезу.

В ногу ударялась рыбная мелочь, но Софья не чувствовала и этого. Осторожно и второй ногой ступила в воду. «Топиться?» В ответ на мысли гулко грохнуло сердце. «Даже и утонуть не могу, сил нету!»

Содрогнувшись, Софья опустила на склизкий берег, оставляя ноги в воде. Вспомнилась вчерашняя передача, которую включил, собираясь на работу, Роман. «Дитё — это благословение Божие». Софья тогда уронила заварной чайник. Роман, беспокойно скользнув по ней взглядом, молча выключил телевизор. Ничего не сказал он, не знающий уже, как утешать Софью. Обнял крепко, что даже косточки хрустнули, поцеловал и ушёл.

А ей эти слова поперёк изболевшейся души. Что она — проклятая, что ли, раз ей не дал Господь такого благословения? Или брак их проклятый? Но в семье у них нет разлада. Роман, переживая не меньше Софьи из-за бездетности, всё же находил в себе

силы не отчаиваться, относился к ней по-прежнему тепло. И она грелась около огонька этого, находила силы и сама, чтобы бороться. Но время гнуло своё: вот уже шестой год пошёл, а детей у них не было.

Платье отяжелело от влаги и перепачкалось. Софья подняла с земли камешек, сжала в ладошке. Нет благословения! Зачем тогда ей жить? Год назад они продали машину ради последней надежды — ЭКО, экстракорпорального оплодотворения. Но ничего не прижилось в ней, пустобрюхой, даже за такие деньги. На вторую попытку денег не было. Там, в больнице, Софья познакомилась с семьями, кто и после второй, третьей попытки не сдавались. Люди лезли в долги, лишались жилья. Нагляделась Софья на таких. У неё, бессильной, воли-то уже осталось на доньшке самом.

Медленно встала, одёрнула прилипший к телу подол. Сжав руки в кулачки, быстрым шагом пошла домой. Надела длинную юбку, отыскала в закромах ненешеный платок. Глянула на себя, другую, в зеркало: лицо, обрамлённое белым платком, стало строгим. Но не старил её, на удивление самой Софье, непривычный платок. Длинная юбка нарядно легла на стройный стан, обхватив крепкие ноги светлым кружевом.

Софья направилась к храму.

В церковном дворе наткнулась на Анну с ребятнёй. Та чуть заметно улыбнулась Софье, в

глазах теплилась радость, что увиделись здесь, у церкви, а не у речного омута. Анна, взяв Софью под локоть, отвела её в сторону, оставила детей играть чуть поодаль.

— Сонечка, хорошо, что пришла, милая! Только надо было пораньше. Перед праздником крест выносили. — Анна отодвинула кудрявую прядку с лица и опустила глаза. — Ты уж прости меня, что я на тебя так... наругалась тогда. Но дурь свою выкинь из головы! И у меня, подумай, Соня, жизнь не мёд. Про меня знаешь, что люди говорят? Баб Веру помнишь Ерёмину? Ну вот, та мне ещё, когда я третьим беременная была, высказывала: куда тебе, мол, рожать, не хватит ли уже? А как Федюня, четвёртый, родился, так вообще люди отворачиваться стали. Сейчас же в моде — не более двух детей. Ну молодёжь, какая на третьего решается, это подвигом считают. А меня поносят: куда, мол, нищету плодишь? Так что ты не больно-то мечтай. Да и у Бога, Соня, на нас на всех свои планы. А вот ты правильно в церковь собралась, ты подойди к отцу Сергию, он тебе всё расскажет, по-мудрому объяснит.

Анна, подбадривающе прихлопнув её по руке, пошла, позвала свою детвору и тут же потерялась в разноцветье ярких детских панамок, а её самая младшая, пятая, Варюша, протянула ручки и уселась на руках Анны, сладко зевнула. Софья загляделась на

детей, на прямую, решительную во всём Анну и, пятая, почти уткнулась затылком в плечо седовласого батюшки.

— Извините, — растерянно пробормотала. И уже посмелее добавила: — Здравствуйте, отец Сергей.

Батюшка из-под лохматых бровей поглядел на незнакомую молодую женщину. Вытер носовым платком бисерины пота на изрезанном морщинами лбу, провёл по широкому носу, сужающемуся в переносице в тонкую полоску, почти ниточку.

— Здравствуй, здравствуй, доченька. Хотела чего?

Софья несколько секунд молчала, пустой взгляд её направился на взрыхлённую клумбу. Потом подняла на отца Сергия глаза, в каких тлела столь невыносимая тоска, что батюшка вздохнул и в ожидании свёл брови.

— Да я, отец Сергей, уже не знаю, что делать, куда деть себя. Пыталась вчера топиться, — Софья шмыгнула носом, подбородок её мелко затрясся.

— А, вон чего, — выдохнул батюшка. — Такая молодая, красивая, а мысли-то откуда такие, девонька? Пойдём-ка, пойдём, расскажешь всё подробнее.

Отец Сергей повёл Софью в деревянную беседку, построенную рядом с храмом. Там Софья, рыдая и сотрясаясь, с надрывом, какой копился у неё много лет, рассказала батюшке всё. И про бездетность, про попытки ЭКО,

отчаяние и, наконец, про вчерашний её поступок.

Батюшка слушал молча, опустив голову, чуть заметно лишь кивая Софье, а она не останавливалась и всё говорила, говорила. Наконец спросила, глядя беспомощно в добрые глаза отца Сергия:

— Батюшка, вот скажите, говорят, что ребёнок — это благословение Божие. Почему меня Господь не благословляет, я что, порченная какая-то? Наказывает меня Господь?

Белёсая борода отца Сергия колыхнулась, в глазах — беспокойство:

— Что ты, доченька, что ты! Господь никогда не наказывает. И не отдаляет нас от себя. Отдаляемся мы сами. А всё, что делается вокруг нас, делается во благо нам.

Софья распрямилась, утёрла слёзы. Только изредка всхлипывала, как ребёнок, неглубоко вдыхала и замирала, словно боясь чего-то. Но от батюшки отходила такая тёплая волна доброты, что Софья, присмирив, спросила:

— А в чём тогда проблема, батюшка? Отчего же так?

Отец Сергий улыбнулся:

— А это лишь Господь знает. Но ты, Сонечка, не отчаивайся. Я же тебе говорю: во благо всё нам даётся. Ты не забывай, что этой нашей жизнью мир Божий не ограничивается. И Господь всё так устроил, что мы через страдания наши спасаемся. У кого-то иной путь, не родительский. Нам

же главное — спастись, то есть не попасть в ад. Спастись можно в браке. Получается, что цель брака — это не рождение детей, а спасение. А кому-то если и суждено иметь детей, то, бывает, не сразу: ну тут со смирением подождать надо, и всё будет ему. Вот так одна супружеская пара долго не имела детей. Женщина часто молилась у иконы Иоанна Русского, но Господь не давал её семье ребёнка. Тогда однажды, впав в печаль, женщина вскричала перед иконой святого: «Святый Иоанне, что я сделала такого, что ты возненавидел меня?» Тогда ночью к ним явился сам Святой Иоанн и сказал ей, что святые никогда никого не ненавидят, а что у неё нет ещё дитя — так это нет ещё на то Божьей воли. Ещё добавил, что через два года эта радость её посетит. Так оно и вышло через два года. Вот такая история, Сонечка! А ты отчаиваешься, самоубийство хотела над собой учинить. А это грех како-ой! Ты знаешь, дитя, что таких самоубийц на том свете ждёт? Ох, врагу не пожелаешь! А ты вон чего задумала...

Плечи Софьи снова дёрнулись, из скорбно сомкнутых губ вырвался стон.

— Ну-ну, не плачь. Уберёт тебя Господь руками твоей соседки. Теперь на исповеди только сказать бы тебе... Ну это по желанию, конечно. А бездетность, Сонечка, может быть и даром даже. Да-да! Ведь ты можешь проявлять материнские качества

к другим детям. Сироткам помогать, например. Те, у кого свои дети есть, не задумываются об этом. А ты вот можешь. Так что не плачь, Сонечка. Не отчаивайся. Уповай на Бога, и всё тебе будет.

Софья, до этого сложившая руки на столе, уронившая голову свою в раскрытые ладони, вдруг приподнялась. Взор её прояснел, и мысли стали чёткими, словно их дождём весенним промыли.

— Батюшка, а может быть, у меня это по грехам?

— Это, девонька, только Богу и тебе известно. Если есть за тобой какой грех, может, и по грехам, — тихо и смиренно ответил он.

— Аборт, батюшка, это грех? — помявшись, решила спросить Софья.

Отец Сергей даже переменялся в лице:

— Страшный. Это, доченька, убийство.

Глаза Софьи ширились от ужаса, рот искривился. А батюшка продолжал:

— Сейчас принято называть аборт так мягко, завуалированно: «Искусственное прерывание беременности». И никто не называет это смертоубийством, а ведь если бы называли, то всё бы стало на свои места. И, глядишь, поубавилось бы число абортёв... Женщина, которая идёт на аборт, по сути, считает, что распоряжается просто своим телом. Но это ведь не так. Ребёнок, растущий

в утробе матери, — это не часть тела матери, а уже отдельная, самостоятельная человеческая сущность. А за убийство человека — собственного дитя — на мытарствах, а тем более на Страшном суде, с нас, грешных, спросится.

Софье вмиг вспомнился тот день, когда она, юная и бестолковая, решила на эту операцию. С Романом они тогда ещё только встречались, оба — студенты. О свадьбе, детях ещё и не думали, нужно было сначала диплом получить. А тут вдруг нежеланная беременность. И родители настаивали на аборте, вот Софья, не долго думая, и собралась. Врачи предупреждали, что может быть после этого бездетность, проблемы со здоровьем. Но им, молодым, до того ли было тогда? А здесь вон как всё вывернулось: не телесные недуги хуже всего, а духовные ошибки. Она, Софья, оказывается, убийца!

Как на духу рассказала батюшке Софья и об этом. Отец Сергей, смиренно опустив голову, тихо подсказал:

— Это, доченька, не только твой теперь грех. Но и супруга твоего. Да ещё ко всему — связь до священного, благословлённого Богом брака. Скажи мужу об этом. И если будет на то ваша воля, приходите на исповедь.

Софья, спотыкаясь о гальку, медленно шла домой. Волосы выбились у неё из-под платка, но она не замечала этого. Почему-то, пока шла, вспомнились Софье церковные песнопения, вернее,

не слова, а одна лишь только мелодия, которую слышала в далёком детстве, с бабушкой. Мелодия вдруг ворохнулась в голове и тихо, нежно заволновала истрадавшую Софью душу, что только сейчас получила словно свежий глоток из источника истины. Этого-то источника Софья сторонилась больше десяти лет, и всё равно Он воззвал к ней, и она, истерзанная, жадно приникла к Нему из последних сил.

**Василий
ДЕНИСОВ**

АПОКАЛИПСИС

Отрывок из рассказа

Как вы представляете конец света? Ну, не стесняйтесь...

Вариант первый: смертоносный вирус, убивающий всё, что дышит. Люди в ужасе, к тому же мрут, как тараканы, и в итоге остаётся маленькая группа, борющаяся за выживание.

Вариант второй: огромный метеорит летит к земле. Бац! Все люди узнают, каково быть задыхающимся от дыма и пепла динозавром не в теории, а на практике.

Вариант третий: опять-таки вирус, но этот превращает всё живое в ходячих мертвецов,

которые жрут остальных, периодически мутируя.

Вариант четвёртый: атомная война со всеми вытекающими. Группа выживших опять же борется за свои жизни. Дополнительным испытанием становится борьба ещё и с окружающей средой.

Вариант пятый: таинственные пришельцы устраивают человечеству исполинскую душераздиралку путём нанотехнологий.

Вроде, все основные варианты того, как можно массово склеить лапы человечеству, я перечислил. Остальное Голливуд пока ещё не придумал. Я вот думаю, что апокалипсис уже пришёл, но за окном только своеобразный, наш апокалипсис! И ведь нет ни войны, ни вирусов, ни пришельцев, да и метеоритов тоже не наблюдается пока что. И это не бред, а вполне нормальная оценка происходящего, но во всём этом есть все упомянутые варианты Голливуда. Но они о-о-очень хорошо замаскированы под обыденную жизнь.

Пункт первый: мы думаем, смертельный вирус, наверное, в виде штамма в секретной лаборатории разрабатывается или из космоса к нам прилетает? Фигня! Все ведь живы, работают, едят, смеются, ходят по улицам, притом, не разлагаясь. А если представить, что вирус электронный, и этот вирус — Интернет, то что выходит? Толпы людей сидят у монитора и пялятся в экран, а тем временем их

жизнь проходит — час, два, три, неделя, месяц, год. Таким способом человек теряет лет двадцать. Чем вам не вирус? Да и последствия есть: не только человек время теряет, но и мозг у него загнивать понемногу начинает от того, что этот Интернет несёт, и в итоге через годик-другой у нас появляется вариант с зомбиапокалипсисом.

Заражённый зомби (назовём его Зомби Гражданский), у которого в голове плавает несколько идей, скидки на шмотки, ржака, которую даёт Интернет, приколы, мемы, несколько треков попсы и два инстинкта — размножительный и жевательный, а в качестве вишенки на торте — Есенина и Бродского он может вам промывать. Всё это он подхватил через Интернет, ибо телевизор большинство зомби не смотрят. Места обитания таких существ — кафе, подъезды, парки и клубы. Возраст их — примерно от пятнадцати до двадцати трёх лет, однако после данной возрастной ступени они мутируют в три новых вида.

Вид первый: Зомби Рабочий. Он трудится на заводе, автомойке или в больнице и всю свою жизнь передвигается по одному и тому же маршруту — от дома до работы. Работает этот вид, выполняя простейшие манипуляции, после чего идёт домой, по дороге покупая пиво или водку, чтобы прочистить ту штуку, которая обеспечивает продвижение

пищи в организм. Для полного умиротворения зомби-раб сытно наедается, а затем идёт спать. Утром происходит «воскрешение» и очередной поход до точки «Б». Как ни странно, но этот тип имеет ещё подразделы, в которых можно выделить подвид, который иногда ездит на рыбалку или охоту, переходя на месяц в совершенно новую локацию.

Вид второй: Зомби Рабочий — Кибернетический Модификатор. Существа эти отличаются от обычного рабочего варианта тем, что ищут высокооплачиваемую работу по тому критерию, который гласит, что в их голове есть цель, возможно, даже несколько. Ради этого они работают больше, потому более агрессивны. Цели ЗРКМ просты: дом, машина, квартира, ремонт. Чаще всего они себя мотивируют ипотечными стимуляторами и кредитными эйфоретиками. Срок жизни таких экземпляров значительно меньше из-за большого процента износа и составляет от двадцати трёх до пятидесяти лет.

Вид третий: Зомби Производитель. Они в основном женского пола. Производят потомство, чередуя сеансы Интернета с телевизором, часто собираются в стаи по три-четыре штуки, основная их задача — пополнение рядов своих сородичей. Особенность: самый малый коэффициент развития среди остальных групп и наибольший размер и весовая категория, агрессия по отношению к

иному уровню развития, а также не более трёх целей в жизни, сильная тяга к алкоголю, отсутствие воли и культуры. Итог: зомби, заражённые вирусом, не понимают искусства, не принимают иного мнения, если оно не было найдено на просторах Интернета, и не развиваются. Естественно, правительство, видя такую ситуацию, стало применять кардинальные меры по борьбе с заражёнными: были созданы социальные сети, где зомби собираются в огромные группы, затем — интернет-магазины, чтобы не тревожить больных разного рода похождениями, и вдобавок — массовые праздники, на которых зомби может расслабиться и вдоволь потрясти конечностями, находясь в кругу своих единомышленников.

Для борьбы с распространением и расширением разных видов зомбяков были созданы Диванные войска. Это народное ополчение все указания получает из телевизора, после чего и ведёт ожесточённую борьбу с зомбированными, сидя за столами, либо лёжа на диванах. Это была и есть самая гуманная война за всю историю человечества. Ни одного убитого или раненого ни с той, ни с другой стороны.

Вот вам и апокалипсис, прямо как в фильмах, только реальный, и происходит он у вас дома. За окном нет никакой паники, воплей, крови и насилия. Всё тихо, будто и вправду миру — мир.

**Владислав
НАУМОВ**

НА ПАМЯТЬ

Отрывок из рассказа

Дождь размеренно барабанил по тенту палатки, заглушая все остальные звуки. Я приподнялся на локтях и посмотрел на Юлю. Она, свернувшись калачиком, лежала лицом к тенту. Между нами можно было уместить ещё как минимум двух человек. Я выбрался из спального мешка, накинул куртку, взял из рюкзака сигареты и фляжку с коньяком. Свой спальник набросил на Юлю. Когда я застёгивал палатку снаружи, мне показалось, что она его сбросила.

Под тентом посреди лагеря негромко трещал костёр, возле которого в одиночестве сидела Мария Сергеевна. Я сел напротив неё и закурил.

— Не спится? — спросила она.

— А вам?

— Всю жизнь проспять можно, — она улыбнулась.

Я тоже. Потом достал фляжку и сделал глоток.

— Будете?

Она взяла фляжку и выпила.

— Последний раз я была в этих местах, когда училась в институте. Мы пошли сюда группой, ровно в этот самый лес, на эти скалы.

Всё вокруг меняется, а они такие же, как и тогда. Людей, которые так же, как ты, сидели напротив меня, уже в живых нет, а речка всё бежит, деревья стоят себе и стоят... Ты меня извини, но я тут сидела и поджидала, кому бы всё рассказать.

— Рассказывайте, — сказал я.

Мария Сергеевна была чуть ли не самым симпатичным мне членом группы. В этой милой стареющей женщине чувствовался гигантский багаж памяти, опыта и — обаяние.

— Когда мы были здесь, казалось, что впереди такая необъятная и длинная жизнь. Мы тут строили планы, парочки разбежались по палаткам. Много пили, — она подмигнула мне, улыбаясь. — Казалось, что весь мир у наших ног. А потом прошла буквально секунда, и молодость кончилась, началась старость, раньше часто праздновали дни рождения, теперь чаще случаются поминки. Я долго думала, на кой чёрт я снова сюда попёрлась. Решила, что из мазохизма. По-другому никак не назовёшь. Сiju, как дура, вспоминаю людей, которые сидели рядом со мной и рассказывали, как они будут покорять мир. А потом мы их хоронили. Тогда смерть была чудовищно далеко. А сейчас она уже такая привычная. И такая навязчивая, словно намекает: и тебе, старуха, осталось недолго.

— Ну вы бросьте. Люди и до ста лет доживают, рано вы что-то...

— Я думала об этом. И поняла, что в детстве ты живёшь ради

молодости. Ты хочешь вырасти. В молодости короткий период ты живёшь ради неё самой, а потом начинаешь готовить себя к старости, обрести имуществом, связями, чтобы было комфортно. В какой-то момент ты понимаешь, что молодость прошла, и с наступлением той самой старости начинаешь готовить себя уже к смерти. Это приходит не сразу. Но приходит. Ко мне, к сожалению, пришло. И когда говорят, что молодость в душе, это неправда. Если у старика в душе молодость, он кажется смешным и нелепым. Нет ничего хуже, чем быть смешным. Чем умереть смешным. И вот, когда я пришла сюда, записалась, заплатила деньги, собрала рюкзак, я поняла, что это такая дань молодости и людям, которые тут со мной были.

Дождь барабанил по тенту. Вокруг была непроглядная темнота. Неподальёку журчала горная речка.

— Когда кончается молодость?

— Мне кажется, что лет в тридцать. И получается, что на настоящую жизнь, без сумасшедшей оглядки на будущее, нам отведено десять-двенадцать лет. Когда тебе двадцать, эта цифра ужасает. Но это очень мало. Потому что молодость нужно уметь организовать. Это тоже огромный труд.

— У вас есть муж? Дети?

— Тридцать пять лет назад муж сидел на твоём месте. Его я уже похоронила. Дети взрослые, живут далеко.

— Извините, — я засмутился.

— Ничего-ничего, — сказала она распевно. — Он бы ещё над этим как-нибудь пошутил. Был большой любитель чёрного юмора. А с детьми мы иногда созваниваемся, но в последнее время редко. Потому что у них появились свои дети, и они теперь больше заняты ими. Многие говорят, что дети не влияют на молодость, а только переводят её в новое качество. Я думаю, нет. Как только в твоей жизни появляется кто-то, кто важнее, чем ты сам, молодость кончается. Молодость — это эгоизм.

Продолжать разговор было неловко, поэтому я вышил ещё, закурил и протянул фляжку Марии Сергеевне. В этот раз она отказалась.

— Выходит, любовь — это не молодость?

— Это смотря как любить. Когда мы с мужем только познакомились, мы скорее использовали ресурсы двух людей, чтобы получить ещё больше удовольствия. Это была молодость. А потом началась подготовка к старости. Только поняли мы это позже, — она договорила и теперь отрешённо смотрела на угольки в костре. Несколько минут мы молчали.

— Скажите, раньше, правда, было так хорошо? — я неловко попытался сменить тему.

— Миш, ты знаешь, сейчас мне кажется, что при Брежневе был чуть ли не рай на земле. Но если быть честной, то в девяносто первом году я, как только узнала о путче, так сразу всё бросила и

поехала в Москву бороться за свободу. Сейчас кажется, это была моя дурость. Но тогда я была в своей правоте уверена, я очень хорошо это помню. Это она и есть, молодость: менять мир, воевать, за что-то бороться. А сейчас, кажется, да и пусть не будет кока-колы и ста сортов сыра, зато стабильная зарплата, затем пенсия, и хлеб копейки стоил. Понимаешь? Хотя и это не главное. Мне тогда было как тебе, и сейчас мне кажется, что я была так счастлива, так счастлива! Хотя тогда я так не думала. Счастье всегда в прошедшем времени. Мы всегда о нём только вспоминаем. И конкретно сейчас кажется, что тогда мне было лучше. Но я всё-таки образованный человек, педагог, поэтому понимаю, что это психологическая ловушка. Ты, как мужчина, не дашь соврать: вы с упоением и удовольствием вспоминаете драки, даже те, в которых сильно избили вас. Поэтому сейчас я не хожу на выборы совсем, чтобы не голосовать за своих фантомов. Пусть молодые решают, как им жить.

Когда она это рассказала, мне почему-то тоже показалось, что самое счастливое время я уже прожил. Меня одолевало стыдливое чувство потерянной юности, молодости. Смотреть с высоты, так сказать, прожитых лет было проще. И мне казалось, что было много важных вещей, которые я не сделал и даже не попытался сделать. И была Юля, обиженно свернувшаяся калачиком в палатке, винящая меня в потерянном времени.

И были воспоминания о том, как я, ещё школьник, несколько лет назад ходил по тем же тропинкам в том же лесу где-то на границе Башкортостана и Челябинской области. В этом что-то роднило меня с Марией Сергеевной. Это тоже была своего рода дань, и мне тоже казалось, что тогда, раньше, жизнь была устроена правильнее, чем сейчас. Но я уверен, что тогда, в том самом октябре, когда я месил походными берцами грязь этих тропинок, мир казался мне ровным счётом таким же несправедливым, а может, даже более несправедливым из-за приближающегося ЕГЭ, поступления в вуз, военкомата, чем сейчас. Но это лишь игры сознания. Всё плохое забывается. В памяти остаются лишь счастье и великое горе. И тут было как раз счастье, и сидя у потрескивающего костра в ноябре в забытом богом лесу, я вспоминал, как был счастлив именно здесь, а не где-нибудь ещё.

Мы с Марией Сергеевной сидели молча, словно всё уже было сказано. Я чувствовал по ней, что она высказалась. О молодости, о старости. А я думал о своей молодости: кончилась она или только началась, и никак не мог понять, на каком отрезке жизни я нахожусь. Я мог бы обвинить Юлю в потерянном времени, в ограничениях, рамках и запретах. Но и я ограничивал её, и по-другому никак. Нет, мне некого было винить. Мне казалось, что мы априори счастливы только в прошлом, а счастье в настоящем невозможно.

Счастливое время, подумал я, всегда потеряно.

Я сидел, курил одну за другой, выпивал. Мария Сергеевна пристально посмотрела на меня и спросила:

— Тяжело?

— Как-то по-особенному пусто, знаете.

— Понимаю. Меня это чувство не покидает уже полжизни.

— Вот и скажите мне, как опытный человек, делать-то что? — мне казалось, за два дня похода она без слов поняла, что происходит между мной и Юлей.

— Всё когда-нибудь кончается, это вопрос времени, — она пожала плечами. — Когда мы куда-нибудь приезжаем, то просим прохожих сфотографировать нас на память. Потому что всё самое лучшее хранится только там.

— Мне иногда кажется, что настоящего вообще не существует, есть только будущее и прошлое. Ведь настоящее — это доля секунды, и оно сразу становится прошлым, и дальше... и дальше, даже начало этой фразы уже прошлое.

— Пора спать, Миша, завтра много ходить. А то нечего будет вспомнить, — она улыбнулась и встала с бревна. Она не хотела выслушивать, хотела только говорить. Я сделал ещё глоток из фляги, выбросил окурок в костёр и тоже встал. Когда я вернулся в палатку и влез в спальный мешок, мне показалось, что Юля не спала, а слушала весь наш разговор. Но я очень быстро провалился в сон, стоило только закрыть глаза.